

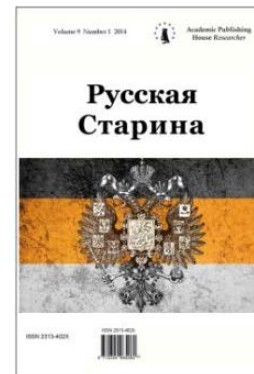
Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 218–228, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.218

www.ejournal15.com

Casus: The History of Russia in the Small Peas

UDC 94(47)

The Everyday Leisure Practices of the Kuban Cossack Host Officers in the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries

Aleksandra V. Gayvoronskaya

Research Centre for Traditional Culture
Government Budget Scientific and Creative
Institution for Culture of the Krasnodarsky Krai
Kuban Cossack Choir, Russian Federation
16, Klubnaya Street, Krasnodar, 350051
PhD (History)
E-mail: krasnodar-23@newmail.ru

Abstract

The paper analyzes leisure practices of the Kuban Cossack officers in the second half of the 19th – the early 20th centuries and factors influencing their choice. Various forms of leisure and entertainment accessible to different groups of the Cossack officers are reconstructed on the basis of analysing memoirs, diaries and other sources. The author describes trips to the neighbouring towns, amateur performances, visiting officers' clubs, amateur photography, riding, hunting etc.

Keywords: Kuban Cossack Host, officers, daily life, leisure, personal narratives.

Введение

В предпринимавшихся ранее исследованиях по реконструкции повседневной жизни казачьего офицерства акцент приходился на изучение его служебной повседневности [1–3], в тени которой оставалась такая важная часть каждодневной жизни офицера, как досуг. Изучение досуговой составляющей позволит не только очертить круг возможных занятий и развлечений казачьих офицеров в заданный период времени, но и определить факторы, оказывавшие влияние на формирование офицерского досуга, а также обозначить степень самостоятельности офицера в выборе досуговых предпочтений.

Материалы и методы

Исследование различных аспектов досуговой сферы повседневности офицеров Кубанского казачьего войска потребовало привлечения источников разнообразного характера, среди которых особенное место было отведено оставленным мемуарным свидетельствам и сохранившимся дневниковым записям, открывающим перед современными исследователями целый мир внутренних переживаний авторов. Были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-

психологический методы, а также метод вживания и вчувствования с последующей интерпретацией «чужих мыслей и слов».

Обсуждение и результаты

Занятость казачьего офицера на службе не была одинаковой и зависела от конкретных служебных обязанностей, взаимоотношений с сослуживцами, собственного отношения к службе и много другого, поэтому и количество свободного времени, которым располагали офицеры в течение суток, было разным. В своих устных воспоминаниях, записанных в виде многочасового интервью, генерал В.М. Молчанов, обращаясь к теме офицерского досуга в бытность своей службы на Кавказе, неоднократно подчеркивал ежедневный недостаток свободного времени у молодых офицеров: «У нас практически не было свободного времени... оставалось для отдыха только воскресенье. По будним дням у нас никогда не было времени, но в субботу вечером и в воскресенье у нас оставалось немного времени для общения» [4]. Но даже в это, казалось бы, свободное, не занятое службой время офицер не был вполне свободен в выборе способа своего отдыха и развлечения [5]. Полковые праздники, парады, обеды, ужины с обязательным присутствием всех офицеров поглощали значительную часть офицерского досуга.

С началом службы и в последующие годы многие офицеры сталкивались с проблемой поиска жилья. Отсутствие подходящего, когда «в значительных городах большинство офицеров принуждено жить чуть ли не в подвалах или в мансардах», а главное, его дороговизна тяготили в первую очередь семейных офицеров, «так как ныне существующий оклад настолько недостаточен, что даже штаб-офицеру нанять сносную квартиру, отопить ее (в продолжение длинной 5 месячной суровой зимы – при дороговизне дров от 24 до 30 руб. за сажень) и осветить ее на отпускаемые ныне квартирные деньги положительно невозможно» [6]. Для холостых офицеров квартирный вопрос зачастую благополучно разрешался благодаря своевременной поддержке друзей и сослуживцев: «Временно, до получения квартиры в казармах полка, меня принял к себе сотник Б. <...> Вскоре мне и хорунжему Евгению Николаевичу Попову дали квартиру на четвертом этаже, на “голубятне”. У нас было три комнаты. В крайних жили мы, а средняя, проходная, была пуста. <...> Года через два хорунжий Попов перешел в другую квартиру, и его комнату занял хорунжий Константин Павлович Золотарев, с которым я, как и с Е.Н. Поповым, был в самых дружеских отношениях» [7].

Обзаведение собственным жильем, даже если это была только отдельная комната в общей квартире, и расширение личного пространства вносили ощутимые изменения в жизнь молодого человека, несколько лет жизни которого до этого прошли в стенах закрытых военно-учебных заведений, где «строгое и точное, по часам и минутам, расписание повседневно обихода... День и ночь, работа и досуг, даже интимные отправления – все на людях, под обстрелом десятков чужих взоров» [8]. Теперь, став офицером, бывший юнкер чувствовал себя более свободным в организации собственного досуга и выборе привлекающих его занятий и развлечений. В то же время привычка к постоянному контролю, сложившаяся за годы обучения, подчас мешала, а отсутствие такового становилось настоящим препятствием в неудачных попытках самоорганизации и распределения свободного времени и расстраивало самые продуманные планы: «И как много было надежд и планов в то время. <...> Какая строгая программа жизни намечалась! <...> И вот книги лежат уже девять месяцев на этажерке, <...> газеты с неразорванными бандеролями валяются под письменным столом, журнал больше не высылают за невзнос очередной полугодовой платы, а сам подпоручик Ромашов пьет много водки в собрании, имеет длинную, грязную и скучную связь с полковой дамой, <...> играет в штосс и все чаще тяготеет и службой, и товарищами, и собственной жизнью» [9].

Мечты только произведенного офицера по устройству своего досуга разбивались о незнание жизненных реалий, и размышления героя очерка, размещенного на страницах «Разведчика», в той или иной степени были свойственны многим молодым офицерам: «О материальных средствах к жизни представления, конечно, не имел никакого, и мое будущее жалование, 48 рублей (считая тут и квартирные деньги), казалось мне, как и большинству таких же неопытных моих товарищей, слишком достаточным для совершенно безбедной жизни. Помню, что, рассчитав мой ежемесячный бюджет, я полагал

тратить на театр и прочие удовольствия 15 рублей в месяц, и эта последняя цифра мне казалась настолько крупной, что я был вполне уверен в невозможность даже прокутить такую большую сумму (родители мои умерли до поступления моего в училище, и, будучи юнкером, я не имел никогда более двух рублей в месяц; живя в училище на всем готовом, я не тяготился таким безденежьем)» [10]. Рассчитывая только на собственное жалование, офицер в самое ближайшее время оказывался в ситуации, когда «нужно было, следовательно, входить в новые долги до тех пор, пока жизнь не научила: что значит беречь каждую копейку» [11].

С обзаведением семьей стесненность в средствах, выделяемых на развлечения, только возрастала. В офицерском бюджете, приведенном на страницах периодического издания штаб-капитаном, семейство которого состояло из «жены, трех детишек и денщика», среди перечисленных расходов напрочь отсутствовали траты «на гостей, на театры, на концерты, на выписку газет и жуналов... Нет расходов на улучшение пищи в дни праздников, кроме больших. Мы не знаем, что такое именины, рождение и крестины. В доме моем никогда не употребляется водка, вино» [12]. Расходы семьи в течение года, разложенные на один месяц, составляли 110 руб. 90 коп., что превышало получаемое жалование на 21 руб. 40 коп.

Иначе обстояли дела у тех офицеров, которых материально поддерживали родные. Описывая свою службу в Екатеринодаре, А.Г. Шкуро вспоминал: «Мы, офицерская молодежь, играли в гвардию, плясали до упаду на балах, ухаживали за барышнями и порядочно пьянствовали. Несмотря на то что папаша давал мне в дополнение к жалованию ежемесячно 200 рублей – сумму немалую по тогдашней дешевизне жизни, особенно если принять во внимание, что я жил в родительском доме на всем готовом, – мне вечно не хватало денег, и я влез в долги» [13].

Полученные от родных, с трудом сэкономленные или даже одолженные деньги находили разное применение. Подробности развлечений офицерской молодежи сохранились благодаря документам официального делопроизводства, таким как, например, прошение екатеринодарского мещанина Якова Гутмана на имя наказного атамана об уплате ему подъесаулом 2-го Полтавского полка Педино и офицерами 1-го Черноморского полка подъесаулом Крыжановским и хорунжими Горбачевым, Брагуновым, Казановым и Помазановым 106 руб. 75 коп., и переписка дальнейшего разбирательства. Суть претензии шофера Гутмана состояла в том, что упомянутые офицеры отказались оплатить ему аренду и ремонт заказанного автомобиля, а также во время последовавшей перепалки ругали его «площадной бранью, угрожая револьверами и шашками», и толкали его, отчего он упал [14]. Проведенное расследование показало, что «28 апреля 1912 года компания перечисленных выше офицеров, пообедав в Центральной гостинице в 4 ½ час. дня отправилась в загородный сад “Яр”, при чем подъесаул Педино и хорунжий Казанов поехали на фаэтоне, а остальные – на автомобиле. Покатавшись на моторной лодке по Старой Кубани, офицеры пожелали выехать из загородного сада в 6 час. вечера, но шофера у автомобиля не оказалось. <...> Прождав с 1–1 ½ час. шофера и не имея других перевозочных средств, офицеры решились поехать на автомобиле в город с тем, чтобы автомобиль сдать в полицию, но не умея управлять таковым, проехали саж. 20, правым передним колесом въехали в канаву» [15]. По свидетельству очевидцев, «все офицеры были выпивши, и шофер отлучился в город с ведома их», что расходилось с показаниями самих офицеров. Из обозначенной просителем значительной суммы «52 руб. приходится за время занятия ими автомобиля с 4 ½ час. дня по 11 час. ночи, согласно соглашения по 8 руб. за каждый час, и 54 руб. 75 коп. за исправления поврежденных и поломанных частей автомобиля», среди которых «оказались порванным вентиляционный ремень, погнуты крылья и повреждены некоторые части машины» [16].

В какой степени являлось отмеченное в служебной переписке нетрезвое, вызывающее состояние офицеров частью нормы офицерского поведения, судить сегодня непросто. Неотъемлемой частью офицерского досуга в то время оставались обязательные пирушки, описанные практически всеми мемуаристами, непременным атрибутом которых были и алкогольные напитки: «В полку пили только французские вина “Монополь”, “Редерер”, “Мум”. Было в собрании и наше русское “Абрау-Дюрсо”. Французское шампанское стоило флакон 6 рублей, а “Абрау-Дюрсо” 3 рубля. “Мум” почти никогда не пили, и я спросил, зачем его выписывают из Франции, когда есть, по той же цене, лучшие марки – “Монополь”

и “Редерер”, тем более, что “Мум” никто не требует. Мне ответили: “Когда офицер так подохнет, что ему трудно выговорить «редерер» или «монополь», он всегда может промычать «мум»” [17]. В то же время личное отношение к алкоголю, и тем более пристрастие к нему, за редким исключением мемуаристами обходилось стороной. Никак не комментируя давнюю традицию совместных офицерских застолий, Е.И. Балабин нашел необходимым подчеркнуть собственное решение не употреблять спиртного до женитьбы: «Я твердо держался своего обещания... не пить ни водки, ни вина. Когда же в 1906 году женился, к нам часто приезжал мой тесть – инженер путей сообщения действительный статский советник Воробьев. Он любил выпить перед обедом рюмку водки, а компаньона не было. Жена начала уговаривать пить рюмку водки, когда приезжает тесть. Я стал при нем выпивать рюмку водки. Потом стал иногда и без него пить одну рюмку, пил в собрании при офицерах, и все-таки меня считали абсолютно непьющим. О моей исключительной трезвости знали и все офицеры Атаманского полка... Пьяным я никогда в жизни не был и больше одной рюмки никогда не пил» [18]. Осознавая необычность избранной позиции, мемуарист вспоминал о хитростях, позволявших ему не выделяться и не привлекать к себе излишнее внимание окружающих: «Мне собранский казак незаметно приносил бокалы с грушевой водой Дудергофских ключей – прекрасный напиток, который невозможно было по виду отличить от шампанского» [19]. Подтверждают исключительность такого поведения для офицера и сохранившиеся дневниковые записи: «После и до смотров шли выпивки – необходимая принадлежность всякой встречи и между офицерами. Кто бы и где бы ни встретился: “Что же, зайдем – колупнем, что ли?” С другой стороны нет никогда отказа» [20]. Общим в отношении офицерской среды к такого рода способам проведения досуга представляется не осуждение или снисхождение, а признание только необходимости ограничения возможных излишеств: «Так если он пьет, то не должен пить до неприличия, если он играет в карты, то не должен зарываться в игру настолько, чтобы это могло вредно отзываться на его бюджете, в виде долгов; если позволяет себе некоторые удовольствия неплатонического характера, то должен делать это так, чтобы оно не имело формы разврата, а лишь удовлетворения присущей каждому человеку естественной потребности» [21], позволяющее оставаться офицеру в допустимых рамках приличия.

Разница в возможностях, предлагаемых офицерам для проведения свободного времени центральными городами и тем, чем мог быть заполнен офицерский досуг в провинциальном городе, а тем более в станице, была столь ощутима, что позволяла кубанским офицерам вполне обоснованно считать, что «культурную жизнь» они «не получали готовой, но создавали ее сами, своими трудами» [22]. Большинство мемуаристов называется весьма скромный перечень доступных офицерам войска ежедневных развлечений, как, например, перечисленные М.И. Недбаевским игра «в карты, винт, преферанс» и танцы молодежи «под музыку, которая играла в собрании по праздникам» [23] или даже полное отсутствие таковых, за исключением редких встреч с семьями знакомых офицеров во время скромных домашних обедов или обычных прогулок: «Был праздничный день. Все свободные от службы чиновники и офицеры города N** торопливо спешили покинуть свои квартиры и скорей выйти на улицу, а оттуда пробраться на бульвар – единственное место отдыха и развлечения горожан» [24].

Выходом для кого-то из офицеров и, по сути, бегством от скуки, становились кратковременные поездки в близлежащие от места службы города, целью порой была просто смена окружающей обстановки, о чем в письме к сестре писал из Туркестана хорунжий 1-го Таманского полка Б. Абашкин: «Двадцатого я поехал в Асхабад¹ и пробыл там три дня. С удовольствием проездился туда, хотя там и не было никаких увеселений. Не было даже кинематографа. Мне приятно было уже то, что я попал в совершенно другую обстановку» [25]. Оказавшись в городе, ограниченный во времени, офицер старался не упустить ни одного из возможных удовольствий: «В город явился в 7 часов. Гостиницы все заняты, и я тотчас же пошел в биограф, а потом – ужинать в ресторан. Поужинать не пришлось, так [как] помешали 2 подъесаула, и я пошел с ними за коньяком, [и], вообще, [начали] кутить. Один совсем дед. Вдруг откуда[-то] взялись старые знакомые и Саша красавица. Бросил я подъесаулов и с ними – в биограф, и все время напевал красавице.

¹ Ашхабад.

Согласна ко мне ехать. Был у нее на квартире и оттуда – на вокзал. Скучно и спать хочется. Много интересных встреч и, вообще, в дороге, на трамвае» [26].

В условиях отсутствия возможности посещения театров во многих полках войска сложилась традиция постановки любительских спектаклей, в которых принимали участие как сами офицеры, так и их родные и знакомые. В программу домашних спектаклей, проводившихся с 26 января по 11 марта 1886 г. в собрании 2-го Ейского (льготного) конного полка, входили комедия «Удочка» и водевили «Зачем люди женятся», «Беда от женского сердца», «Простушка и воспитанная», «Жених из ножевой линии», «Аз и Ферт» [27]. В январе следующего 1887 г. в помещении офицерского собрания этого же полка предполагалось проведение благотворительного спектакля. Среди заявленных пьес были комедия в четырех действиях «В осадном положении» и водевиль в одном действии «Жена напрокат». Начало планировалось на 7 1/2 ч, а цена одного места равнялась одному рублю. В афише сообщалось, что билеты можно было получить у сотника Майгура [28]. Постановки продолжились и в последующие годы. Впечатления публики от посещения спектаклей были самые хорошие и сохранились в памяти очевидцев. М.И. Недбаевский, получивший в 1900 г. назначение в станицу Уманскую в штаб-квартиру 2-го Ейского полка, вспоминал: «В Уманской было гарнизонное военное собрание, где несколько раз в год любители ставили комедии, хорошо разыгрываемые» [29].

Театральные постановки требовали от участников серьезной подготовки – распределялись роли, заучивались тексты, готовились декорации, шились костюмы, проводились репетиции. В большинстве своем пьесы выбирались комические. Для устройства драматических представлений военные собрания, в которых они проводились, обязаны были «испросить разрешение местного полицейского начальства и представить оному на просмотр составленную афишу о предполагаемом спектакле», от чего зависело разрешение «исполнения упомянутых пьес, если они не значатся в каталоге запрещенных» [30]. Так, в 1886 г. циркуляром Министерства внутренних дел сообщалось о воспрещении исполнения на «сценах частных театров, как столичных, так и провинциальных, драмы в 4-х действиях И.И. Бабкина под заглавием “Грезы”» [31]. Жизнь любительского театра вносила оживление в однообразие жизни местного общества, развлекала и сближала офицерские семьи, способствовала укреплению старых и завязыванию новых знакомств, надолго сохранялась в памяти: «Да, старые, но еще не погасшие, почти живые картины... Спектакли, считки, сходки, столкновения... Была кой у кого и любовь... У одного она завершилась браком, другой потрепал только свои нервы и на том закончил» [32].

Удивительным образом участие в любительских театральных постановках способствовало возникновению романов, в том числе романов с женами сослуживцев: «Началось это так: на Р.Х. 912 года в собрании были частые вечера, на которых я подолгу беседовала с подъесаулом Буткевичем... На вечерах кроме танцев у нас были разговоры о литературе, была даже попытка устроить спектакль, начались репетиции – все это сблизило подъесаула Буткевича с некоторыми семьями, где он стал бывать и где я с ним часто встречалась. Симпатия наша друг к другу с каждым разом проявлялась все больше и больше. Держала я себя всегда с подобающим достоинством и гордостью. И так, встреча за встречей, его полное ко мне уважение, предупредительность и любовь вскружили мне голову; его клятвы, целование креста и обещание хранить свято мое имя привели к печальному концу историю мою» [33]. Причин к таким сближениям было множество, среди которых отсутствие разнообразия развлечений и общения занимали совсем не последнее место, основной же из причин считалась тогда открывшаяся молодым офицерам доступность свободного общения с женщинами, которая и приводила к ненужным скоропалительным романам, а часто и к неудачным бракам. Пытаясь избежать того и другого, офицеры искали общения вне своего круга: «Не собираясь жениться, но понимая, что являюсь завидным женихом, я сторонился девушек из приличных семей. Большинство моих знакомых женщин были женами офицеров, не только моего полка; законы чести не позволяли нам заводить романы с женами друзей. Мое общение с женщинами ограничивалось так называемыми полковыми дамами нашего круга. Они не были проститутками. Скорее они были женщинами не слишком строгих правил» [34]. В рассуждениях на эту тему мемуаристы, как правило, немногословны. Тайны подобных встреч приоткрывают сегодня только дневниковые записи.

С началом открытия во второй половине XIX в. в крупных центрах расположения воинских частей Кубанского войска офицерских собраний, призванных, в том числе, «доставлять офицерам развлечение в свободное от службы время» [35], значительную часть этого времени офицеры стали проводить в их стенах. Предполагалось, что помещения собраний будут сборным местом для решения и разбора тактических задач, чтения лекций, бесед, сообщений и военной игры. Из развлечений в офицерских собраниях разрешались дозволенные законом игры – шахматы, бильярд, домино, кегли, из карточных допускались только коммерческие и притом на наличные деньги [36], а так называемые азартные игры были строго запрещены. Со временем такие собрания стали привычной частью офицерского досуга и превратились в центры общения офицеров разных возрастов и разного служебного положения.

Большие надежды в деле организации офицерского досуга возлагались на создаваемые повсеместно при офицерских собраниях полковые библиотеки, появление которых помогло снять остроту проблемы недоступности литературы для кубанских офицеров. В библиотеках находились каталоги, алфавитный и систематический, и особая офицерского собрания книга, в которую записывалась выдача книг членам собрания, а также книга, в которую члены собрания вносили свои желания относительно приобретения тех или других сочинений, журналов, газет и пр. [37]. К услугам любителей чтения библиотеками собраний предлагался стандартный набор периодических изданий, художественной и специальной литературы. Оставленные мемуарные свидетельства не дают представления, насколько велик был круг постоянных читателей полковых библиотек. Упоминая о существовании последних, авторы указывают на отсутствие интереса к чтению среди офицеров войска: «В полку была большая библиотека, которой мало кто интересовался. На столе постоянно лежали: Новое Время, Разведчик, Русский Инвалид, Русская Старина, Военный Сборник, Исторический Вестник, Нива и др.» [38]. Тем не менее другие сохранившиеся источники свидетельствуют, возможно, о редкой, но все же существовавшей среди казачьих офицеров тяге к чтению. Авторами немногочисленных дневников перечислялись не только названия читаемых или уже прочитанных ими книг, но и практически ежедневно фиксировалось ставшее привычным вечернее чтение: «Очень долго сидел с книгой в своем кабинете. Наконец лег спать, с Богом» [39].

Одним из интересных увлечений этого времени можно назвать любительское занятие фотографией. Это увлечение, доступное на рубеже веков далеко не каждому, как занятие, требующее прежде всего существенных расходов, имело своих поклонников и среди казачьих офицеров: «Одна статейка навела меня на очень хорошую мысль и дело – заняться фотографией» [40]. Выбору фотоаппарата по каталогу, выделению необходимых для его покупки средств и, наконец, желанному приобретению посвящена не одна строка в дневнике прапорщика 27-го Донского казачьего полка Н.И. Кузнецова: «Итак, завтра куплю аппарат, и хороший, и дешево, и все потому, что случайно. Хотя тогда придется перебиваться как-нибудь... Ведь очень интересная вещь, фотография, потом вспоминать бывалое одна роскошь» [41].

Освоение фотографии могло происходить самостоятельно по специальным пособиям, также можно было воспользоваться уроками по фотографии, которые в 1863 г. из номера в номер публиковал журнал «Промышленность» [42], в любом случае такое увлечение отнимало изрядное количество времени: «Опять аппарат, день хороший, и опять снимки, а сейчас хочу снять свою комнату... Вечер весь занят был фотографией, так что лег спать 1 ½ ч. ночи. Так себе что-то вышло» [43].

Внимание фотографов-любителей привлекало все – лица родственников, знакомых, сослуживцев, праздничные события и будни. Удачные фотографии вставлялись в рамки, хранились в альбомах и дарились друзьям. Некоторые любители со временем достигали серьезных успехов. Первый раз фамилия есаула 1-го Ейского конного полка Н.С. Ремизова появилась на страницах Санкт-Петербургского журнала «Фотограф-любитель» в 1893 г. Он был награжден бронзовой медалью на Гамбургской фотографической выставке, на которую 418 любителей прислали 6365 снимков. Из России 14 человек отправили свои работы и получили 10 наград. На следующий год журнал сообщил о наградах за «русские работы» на международной выставке в «Кане»: «г. Ремизов – виды Кубанской местности». В 1897 г. «Фотограф-любитель» напечатал снимок есаула с редакционным комментарием:

«Автотипия “Казачий лагерь” воспроизведена с отпечатка г. Ремизова, который иллюстрировал наши восточные границы с Персией и прилегающие к ней местности. Сцена эта снята им объективом Далмейера, на пластинке Люмиер, в июле месяце и изображает офицерский обед казаков и их жизнь около Баку» [44].

Во второй половине XIX в. в армии стало всячески поощряться умение офицера хорошо ездить верхом. Способности офицера к верховой езде отмечались в аттестациях, а их отсутствие влияло на перемены в служебной деятельности офицера – строевая служба могла быть заменена, например, административной. По приказанию военного министра было распространено требование того, чтобы офицеры, желавшие поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, заранее испытывались в верховой езде, т.к. планировалось не допускать к приему офицеров, не умеющих ездить верхом.

Неудивительно поэтому, что совершенствованию в верховой езде кубанские офицеры посвящали значительную часть своего свободного времени. Одним из способов устройства дополнительной тренировки в полевой езде было участие желающих в дальних поездках, организованных как продолжение строевых занятий. Так, «в заключение зимних занятий с офицерами Хоперского конного полка по части строевого образования временно заведовавший Баталпашинским военным отделом подполковник Дьяков предложил господам офицерам совершить поездку в г. Екатеринодар на собственных строевых лошадях, с условием не делать менее восьмидесяти верст в день и переправляться через все встречающиеся на пути реки вброд, за исключением реки Кубани. На это предложение изъявили свое согласие: войсковой старшина барон фон Унгерн-Штернберг, сотник Булгаков и хорунжий Свидин» [45].

Путь от Баталпашинска до Екатеринодара в 321 версту офицеры проделали за десять дней. Путешествие оказалось непростым. Часть пути офицерам пришлось провести под проливным дождем, преодолевая дополнительные трудности из-за разлившихся рек. Возвращение домой из Екатеринодара прошло по новому маршруту: через «станции Саратовскую, Белореченскую, Майкоп, Лабинскую, Вознесенскую, Попутную» [46], предложенному наказным атаманом, проявившим неподдельный интерес к «экскурсии офицеров». Обратная дорога далась всем участникам тоже нелегко: «дорога тут была самая отвратительная. На протяжении пяти верст попадались то глубокие ямы, наполненные водой, то высокие пни срубленных деревьев» [47]. Между тем тяготы экскурсии не помешали краткому знакомству офицеров с неизвестными местами: «Майкоп произвел на нас неблагоприятное впечатление, может быть, потому что мы слишком устали. Впрочем, он вполне может гордиться своим живописным месторасположением... По богатству грязи Майкоп представляет вторую после Екатеринодара Венецию на Кавказе. Улицы кривые, узкие, темные, без тротуаров. Достопримечательностей, кроме винокуренного завода, нет. Нет ни бульваров, ни парков, ни газовых фонарей, ни магазинов, ни гостиниц. Зато была одна поистине великолепная достопримечательность: некогда солдатская казарма (ныне общественная баня), где безраздельно, нисколько не стесняясь друг друга, мужчины и женщины купаются, обмениваясь самыми благородными комплиментами и в созерцании всех прелестей наготы» [48].

По завершении офицерской «экскурсии», на которую по свидетельству одного из участников, хорунжего Свидина, «на переезд 321 версты от Баталпашинска до Екатеринодара нами было затрачено 38 часов, а на обратный путь протяжением в 305 верст 44 часа» [49], начальством была предпринята попытка поощрения ее участников. В официальном донесении заведующего Баталпашинским отделом для них испрашивалось денежное пособие в размере годового оклада и докладывалось, что «офицеры те, имея служебное местопребывание в городе Баталпашинске, где дорогие квартиры и высокие цены на жизненные припасы, поставлены в крайне затруднительное положение в отношении содержания себя семействами» [50].

Увлечение конным спортом проявлялось и в интересе офицеров войска к скачкам. Способствовать развитию этого увлечения призваны были обязательные офицерские 2-верстные скачки с «препятствиями на призы», предназначенные «для развития между офицерами ловкости и лихости и для поощрения их к приобретению лошадей хорошего сорта» [51].

В начале 1872 г. приказом по военному ведомству было объявлено об учреждении «ежегодной Красносельской офицерской скачки на призы Их Императорских Величеств и Членов Императорской фамилии» «для строевых офицеров и состоящих адъютантами сей гвардейской и армейской кавалерии конной артиллерии и всех казачьих и иррегулярных войск» [52]. Эти главные скачки (их называли Большим Красносельским стипль-чезом) имели на 4 верстах (более 4 км) 12 препятствий. Основные из них: река, 3 рва шириной около 2 м, «укрепление» (комбинированное препятствие, напоминающее современный банкет), дощатый забор, «живая» изгородь, соломенный барьер, вал с «живой» изгородью, плетень. Максимальная высота препятствий достигала 140 см, ширина по фронту 20 м [53].

Для того чтобы предоставить возможность как можно большему числу офицеров участвовать в этой скачке, и в особенности тем офицерам, которые служили вне Петербургского военного округа, время поездки и участия в скачках было решено считать командировкой, а проезд офицеров и лошадей с проводниками оплачивался за счет казны. Однако, несмотря на столь заманчивые условия, в первые годы проведения «Красносельской скачки» кубанские офицеры не высказывали особенного желания принять в ней участие. Весной перед проведением первых Красносельских скачек командиры большинства полков Кубанского войска рапортовали о том, что офицеров, желающих участвовать в призовых скачках, не оказалось, за исключением сотника Хоперского полка Посевина и хорунжего Кубанского полка Соколова, который заявил желание участвовать в скачке в следующем году» [54]. В целом общее число участников также было невелико. Для участия в первых соревнованиях записалось 32 офицера. К Большому красносельскому стипль-чезу было допущено 27 [55].

Среди других распространенных увлечений чаще всего мемуаристами называется занятие охотой. Ее описанию посвящены многие страницы мемуарной литературы. Авторы с явным удовольствием восстанавливают в памяти подробности любимого ими или их близкими занятия: «Брат, торопясь, набивает патроны к охотничьему ружью, разговаривает с нами и одновременно диктует приказ по корпусу пришедшему старшему писарю. В одиннадцать с половиной часов вечера прибыло заказанное такси. Брат мчится на станцию, кондуктору в вагоне приказывает непременно разбудить его на таком-то полустанке, по лесу и лесом идет к дому лесника, пьет там крепкий чай и идет на определенное место ждать пролета гусей. На рассвете начинался лет. Иногда гуси налетят, но большей частью пролетят в стороне, вне выстрела, и брат идет к полустанку и с обратным поездом едет в Петербург и уже не просит кондуктора разбудить, сразу засыпает. В Петербурге его будят, он едет домой, принимает холодный душ, пьет крепкий-прекрепкий кофе и мчится в Николаевское кавалерийское училище читать лекции по тактике и военной истории» [56].

Выводы

Подводя итоги, можно отметить следующее. Принадлежность к офицерскому корпусу подразумевала склонность его представителей к занятиям и развлечениям, достойным звания офицера. В силу причин разного характера не весь их спектр на протяжении рассматриваемого периода был в равной степени доступен офицерам войска. Важнейшим из факторов, определяющим предпочтения представителей офицерской среды в выборе способов проведения свободного времени, представляется фактор доступности, под воздействием которого происходили формирование досугового пространства и выбор модели досуговой активности.

Примечания:

1. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
2. Гайворонская А.В. Социокультурный облик офицеров Кубанского казачьего войска (1860–1914 гг.): дис... канд. ист. наук. Краснодар, 2013. 216 с.
3. Гайворонская А.В. К вопросу об особенностях военной службы кубанских офицеров в XIX – начале XX столетия // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 3. С. 67–69.
4. Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 30.

5. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. Российские офицеры // Российский военный сборник. М.: Военный университет; Русский путь, 2000. Вып. 17. С. 144.
6. Быковский Н. Квартирный вопрос // Разведчик. 1893. № 120. С. 83.
7. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. С. 73.
8. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Вагриус, 2004. С. 44.
9. Куприн А. Поединок // Куприн А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1971. С. 28.
10. Молодой офицер в Западном краю // Разведчик. 1892. № 100. С. 295.
11. Молодой офицер в Западном краю // Разведчик. 1892. № 101. С. 313.
12. Обзор печати // Разведчик. 1907. № 855–856. С. 158.
13. Шкуро А.Г. Гражданская война в России: записки белого партизана. М.: Издательство АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 56.
14. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 433. Л. 226.
15. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 433. Л. 241.
16. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 433. Л. 240.
17. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое... С. 71.
18. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое... С. 72.
19. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое... С. 71.
20. Вертепов Д.А. Дневник терского казака. М.: Советский писатель, 2008. С. 55.
21. Португалов Н. Этика офицера // Российский военный сборник. Вып. 17... С. 337.
22. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 102.
23. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 86.
24. Пахомов М. Офицер на льготе // Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). 1901. № 21.
25. Елисеев Ф.И. Первые шаги молодого хорунжего. М.: Рейтарь, 2005. С. 271.
26. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года) / под ред. С.Н. Малахова, В.А. Хлебнова. Армавир – Белая Калитва – Отрадная: ИП Шурыгин В.Е., 2015. С. 64.
27. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4814. Л. 4.
28. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4814. Л. 17.
29. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 105.
30. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4814. Л. 18об.
31. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4814. Л. 19.
32. Вертепов Д.А. Дневник терского казака. М.: Советский писатель, 2008. С. 68.
33. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10634. Л. 6.
34. Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 92.
35. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8190. Л. 11.
36. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8190. Л. 15.
37. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8190. Л. 14.
38. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 86.
39. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года)... С. 50.
40. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года)... С. 33.
41. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года)... С. 69.
42. Устинов Б.Н. История Кубанской фотографии. Краснодар: Платонов, 2013. С. 76.
43. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года)... С. 70.
44. Устинов Б.Н. История Кубанской фотографии... С. 55.
45. Свидин И.Г. Спасибо за службу // Родная Кубань. 2005. № 3. С. 31.
46. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 31.
47. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 32.
48. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 32.
49. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 33.
50. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 33.
51. КОВ. 1892. № 17. С. 1.
52. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 783. Л. 1.
53. Аминов Д. Скачки. URL: <http://www.equestrian.ru/hippodrome/races/682> (дата обращения: 02.10.2015).
54. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 783. Л. 23, 25.
55. Аминов Д. Скачки...
56. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое... С. 84.

References:

1. Matveev O.V. Istoricheskaya kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX v.): kategorii voinskoj mentalnosti. Krasnodar: Kubankino, 2005. 418 s.
2. Gayvoronskaya A.V. Sotsiokulturnyy oblik ofitserov Kubanskogo kazachyego voyska (1860–1914 gg.): dis... kand. ist. nauk. Krasnodar, 2013. 216 s.
3. Gayvoronskaya A.V. K voprosu ob osobennostyakh voennoy sluzhby kubanskikh ofitserov v XIX – nachale XX stoletiya // Kulturnaya zhizn Yuga Rossii. 2012. № 3. S. 67–69.
4. Molchanov V.M. Posledniy belyy general. Ustnye vospominaniya, statyi, pisma, dokumenty. M.: Ayris-press, 2012. S. 30.
5. Messner E., Vakar S., Verbitskiy F. Rossiyskie ofitsery // Rossiyskiy voennyi sbornik. M.: Voennyi universitet; Russkiy put, 2000. Vyp. 17. S. 144.
6. Bykovskiy N. Kvartirnyy vopros // Razvedchik. 1893. № 120. S. 83.
7. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2009. S. 73.
8. Denikin A.I. Put russkogo ofitsera. M.: Vagrius, 2004. S. 44.
9. Kuprin A. Poedinok // Kuprin A. Sobranie sochineniy: v 9 t. T. 4. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1971. S. 28.
10. Molodoy ofitser v Zapadnom krayu // Razvedchik. 1892. № 100. S. 295.
11. Molodoy ofitser v Zapadnom krayu // Razvedchik. 1892. № 101. S. 313.
12. Obzor pechati // Razvedchik. 1907. № 855–856. S. 158.
13. Shkuro A.G. Grazhdanskaya vojna v Rossii: zapiski belogo partizana. M.: Izdatelstvo AST; Tranzitkniga, 2004. S. 56.
14. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (dalee – GAKK). F. 396. Op. 1. D. 10 433. L. 226.
15. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10 433. L. 241.
16. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10 433. L. 240.
17. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe... S. 71.
18. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe... S. 72.
19. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe... S. 71.
20. Vertepov D.A. Dnevnik terskogo kazaka. M.: Sovetskiy pisatel, 2008. S. 55.
21. Portugalov N. Etika ofitsera // Rossiyskiy voennyi sbornik. Vyp. 17... S. 337.
22. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 67. L. 102.
23. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 67. L. 86.
24. Pakhomov M. Ofitser na lgote // Kubanskiye oblastnyye vedomosti (dalee – KOV). 1901. № 21.
25. Eliseev F.I. Pervye shagi molodogo khorunzhego. M.: Reytar, 2005. S. 271.
26. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda) / pod red. S.N. Malakhova, V.A. Khlebnova. Armavir – Belaya Kalitva – Otradnaya: IP Shurygin V.E., 2015. S. 64.
27. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 4814. L. 4.
28. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 4814. L. 17.
29. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 67. L. 105.
30. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 4814. L. 18ob.
31. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 4814. L. 19.
32. Vertepov D.A. Dnevnik terskogo kazaka. M.: Sovetskiy pisatel, 2008. S. 68.
33. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10634. L. 6.
34. Littauer V. Russkie gusary. Memuary ofitsera imperatorskoy kavalerii. 1911–1920. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2006. S. 92.
35. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 8190. L. 11.
36. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 8190. L. 15.
37. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 8190. L. 14.
38. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 67. L. 86.
39. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda)... S. 50.
40. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda)... S. 33.
41. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda)... S. 69.
42. Ustinov B.N. Istoriya Kubanskoy fotografii. Krasnodar: Platonov, 2013. S. 76.
43. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda)... S. 70.
44. Ustinov B.N. Istoriya Kubanskoy fotografii... S. 55.
45. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu // Rodnaya Kuban. 2005. № 3. S. 31.
46. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 31.
47. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 32.
48. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 32.
49. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 33.
50. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 33.
51. KOV. 1892. № 17. S. 1.

52. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 783. Л. 1.
53. Aminov D. Skachki. URL: <http://www.equestrian.ru/hippodrome/races/682> (data obrascheniya: 02.10.2015).
54. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 783. Л. 23, 25.
55. Aminov D. Skachki...
56. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe... S. 84.

УДК 94(47)

**Повседневность досуга офицеров Кубанского казачьего войска
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Александра Владимировна Гайворонская

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Российская Федерация
350051 Краснодар, улица Клубная, 16
Кандидат исторических наук
E-mail: krasnodar-23@newmail.ru

Аннотация. В статье проанализированы виды досуга кубанских казачьих офицеров второй половины XIX – начала XX вв. и факторы, влиявшие на их выбор. На основе исследования дневников, мемуарных свидетельств и других источников описываются доступные различным группам офицеров формы отдыха и развлечений, в частности поездки в близлежащие города, постановки любительских спектаклей, посещение офицерских собраний, любительская фотография, верховая езда и охота.

Ключевые слова: Кубанское казачье войско, офицерство, повседневность, досуг, источники личного происхождения.